

УДК 821.161.1.-31*Г.Садулаев

Роман Германа Садулаева «Шалинский рейд»: образы измененных состояний сознания в исповеди комбатанта

О.Л. СЕВЕРИНОВА

Рассматривается проблема бытования образов измененных состояний сознания в современной «военной» прозе: определяются основные функции образов измененных состояний сознания и роль этих образов в формировании специфической картины мира художественной литературы, реализующей тему локальных войн. Исследование проводится на материале романа Германа Садулаева «Шалинский рейд».

Ключевые слова: образы измененных состояний сознания, картина мира, образ героя, современная «военная» проза.

The problem of existence of the images of altered states of consciousness in the modern «military» prose is considered: it identifies the main features of images of altered states of consciousness and identifies role of these images in formation of particular picture of the world of fiction, realizing the theme of local wars. This research is based on the novel by Hermann Sadulaev «Shalin's raid».

Keywords: images of altered states of consciousness, picture of the world, image of the hero, modern «military» prose.

Созданный автором в 2007–2010 гг. роман Германа Садулаева «Шалинский рейд» на сегодняшний день остается одним из наиболее знаковых явлений в «военной» прозе о локальных войнах. Определить положение романа на литературной карте можно было бы, ссылаясь на идеологическую специфичность творений Г. Садулаева вообще, то есть условно расположить его произведения на одной позиции с произведениями о чеченской войне Александра Проханова, и этой гранью – реконструирующей утраченный рай детства и единства (СССР) ностальгией – вписать его в литературу пост-соца: «Война как устойчивый хронотоп пост-соца, бесспорно, актуализирует советский милитарный дискурс с характерной для него риторической силой, пафосом героического самопожертвования и танатологическим эротизмом» [1].

Однако за попыткой такой литературной регистрации следует немедленное ее отторжение другой, оборотной, стороной произведения писателя, потому как ни о самопожертвовании, ни о риторике силы по отношению к роману Г. Садулаева говорить не приходится. Их отсутствие станет еще более заметным, если реконструировать заочный межтекстовый разговор героя романа с героем кинематографического явления пост-соца, фильма Алексея Балабанова «Брат», – со «штабным писарем» на русско-чеченской войне Данилой Багровым: «Мы были и остались нищими. Это было нищее государство, Ичкерия, вот в чем правда, брат» [2]; «В одном из интервью Хаттаб говорил: “Газават показал свою силу, и сила не в оружии”. В чем сила, брат? – спрашивал герой Сергея Бодрова. И сам отвечал: в правде. Так и Хаттаб, но у каждого здесь была своя правда» [2]. Эта фразовая переключка, конечно, не образец диалогопонимания в искусстве, а наоборот – здесь движение мысли в поисках истины подобно движению бумеранга: бросивший вопрос получает назад не ответ, а тот же лобовой вопрос.

Роман «Шалинский рейд» представляется неоднозначным и специфическим явлением, настоящим художественным гибридом, возможно, еще и в силу сложного генезиса, обусловленного национальной и индивидуальной двойственностью писателя. Для современной «военной» прозы биографический вклад – явление парадигматическое, а случай писателя Г. Садулаева можно считать одним из самых удачных примеров взаимодействия искусства и природы. Автор «Шалинского рейда», благодаря своему «маргинальному» положению, сделал почти невозможное для «военной» прозы: он беспрецедентно зарыл художественными средствами ров между позициями участников русско-чеченского конфликта. К тому же отношение автора к вооруженному конфликту отпечаталось и на выборе «масштаба изображения» войны. Это посттолстовский образец повествования с чередованием мысли и ее иллюстра-

ции частными судьбами героев. Писательская наблюдательная площадка Садулаева предполагает, что картина, которую получают на выходе автор и читатель, будет неизбежно широкоформатной и четкой. Роман «Шалинский рейд» – это не белое информационное пятно или примитивное табло о географии и хронологии события. Проливая свет личной правды о войне, Г. Садулаев освещает единый пласт истории, а изобразительный результат представлен полисегментным образованием, нефтяной литературной радугой в лужах разбитой войной дороги-истории 1994–2009 гг.

Итак, «военную» прозу Г. Садулаева можно расценивать, в том числе, и как попытку установить баланс между взглядами враждующих сторон, объективировать личное. Интересно, как происходит эта объективация. То есть не изначальное целеполагание, а именно ее течение и оформление, потому как самый большой парадокс «Шалинского рейда» заключается в том, что произведение по сути представляет собой беседу «клиента» с доктором/следователем. И все, что мы узнаем из романа, автоматически переходит в формат «истины от лечащегося»; это самая невероятная и единственно возможная истина при подобных обстоятельствах. Но здесь нужно оговориться, так как сам роман не предполагает исследовательской однозначности. Есть два пути, по которым мы могли бы следовать, анализируя роман: 1) принять уже озвученное положение и уподобиться критически настроенному доктору/следователю; 2) принять позицию героя-повествователя, держащего слово, поверить его исповеди психоаналитику/адвокату/следователю, фактически сменившим в новой картине мира Бога.

Первая позиция приведет нас к тому, что образ героя Тамерлана можно будет легко поместить в позитивистскую клиническую картину, держа в руках или в уме «Общую психопатологию» К. Ясперса. Через обманы восприятия и памяти, через особенности восприятия времени и пространства героем, через специфику переживания им собственного тела и проч. Но однозначность патологичности состояния героя обернется для цели нашего исследования тупиком, и руки будут связаны скорее у исследователя, чем у героя-пациента, потому что патология не предполагает трансцендентного развития. Ей не понятен кризис с надеждой на личностный рост, эфемерную трансперсональную будущность. И сюжетный поворот – самоуподобление Тамерлана Иуде, предательство Масхадова – преследует одну цель: остановить истребление человека, искупить грех войны, прекратить ее, отдав богу войны главную жертву. Но более результативным было бы наложение финала романа как раз на второй вариант анализа: здесь придется отправиться вместе с героем в его новое географическое будущее – в Париж. Это сближение научного и художественного кажется вполне допустимым, так как оно не противоречит сюжетной и образной дуальности романа. Поэтому, исследуя образ сознания героя в произведении Г. Садулаева, мы будем утверждать порожденный как раз этим сознанием мотив двойственности, множественности, повторения, дублирования во всех возможных его проявлениях.

Однако возникает вопрос: как же укладывается в эти рамки явно присутствующая в произведении проблема душевной болезни, если ее как бы автоматически исключает второй путь анализа?

Мотивы душевной болезни и ее лечения в романе примиряются с нашей исследовательской позицией благодаря тому, что патология психики (например, часто упоминаемая шизофрения) остается областью не столько буквального, сколько фигурального. К тому же взгляд трансперсональной психологии охватывает значительно больший радиус карты человеческого сознания, включая в нее и подобные состояния сознания, закрепляя за ними адаптивную природу. Адаптивность и позволяет говорить об интегративных возможностях человека, ограничивает монополию разрушительной болезни [3], дает шанс на исцеление, рост, выздоровление.

Но все-таки образ болезни в «Шалинском рейде» не ограничен душевной сферой. Психологическая, душевная «качка» в сознании, памяти героя – одна смысловая часть романа, вторая его составляющая (упоминаемый нами выше дубль) – болезнь тела. Болеют родители героя, вследствие чего и покидают родину. Болеет сам герой, чье тело требует лечения во всех мыслимых лечебницах стран бывшего СССР. Головная боль убивает боевика «Титаника» – Салмана Радуева. И даже прадед Тамерлана, ветеран Первой мировой войны, хоть и нетрадиционно, но врачует в свое время.

Что характерно, значимость образа боли в романе Садулаева определяется местом ее локализации в организме – в голове и в сердце: «Мое сердце с тех пор болит почти постоянно».

но. Я не смеюсь над омонимом, он ударил меня хорошо, мастерски. Я жив потому, что действие его удара отложено во времени. Когда-нибудь мое сердце остановится» [2]; «А потом, недели через две или три после увольнения, резко сдало здоровье. Нарушился сон, стали сниться кошмары, пропал аппетит, заболела голова. Наверное, так обрушился на меня накопившийся за два года стресс» [2]. То есть круг множественностей так велик на одном только мотивном уровне болезни/боли, что его импликацию в роман можно считать опорной для описываемой конструкции: болезни сердца, головы, слабоумие, шизофрения, паранойя, псевдомедицинская практика предка, сама исповедь доктору и др. Все это, конечно, еще один показатель парадигматического статуса образов измененных состояний сознания (далее – ИСС) в современной «военной» прозе.

Вместе с болезнями военного времени в целом, диагноз которому хаос/абсурд/нелепость/бардак/дурдом (все определения – авторские), отклонения от нормы частной дают картину сюрреалистического клипового мира: «Я долго пытался связать факты, склеить отрывки, выстроить единую непротиворечивую цепь событий. Я понял, что это невозможно. История этой войны не может быть написана. Потому что у этой войны не было истории.

У нее было телевидение.

Все, что происходило, редко попадало напрямую в сознание и память. Нет. Но – через телевизор» [2]. Отсюда возникают и по-кэрролловски фантастические образы детства, которые открывают произведение, врываясь в него из образа ИСС – сна. В нем герой, измученный жаждой, бежит по коридору грибообразной школы (в форме буквы Т), то вырастает, то снова уменьшается: «Ползти тяжело, как будто коридор поднимается в гору, а я стал таким большим и тяжелым, вдруг. Еще минуту назад я был маленьким. Это волшебный гриб, слишком быстро вырос, я, стал взрослым: а теперь мне трудно тащить свое неуклюжее тело, великана, циклопа, вверх» [2]. Наслоенные на исторический абсурд, библейскую мифологию утраченного рая, образы детства становятся еще одной страшной фантомной болью героя. И эта страна жутких огненных убивающих чудес, с ее артобстрелами, свистящими минами, зачистками, – одновременно и явь, и фикция, и реальность, и продукт сознания Тамерлана. Образ Ичкерии, страны-братской могилы и страны-ТВпродукта, скроен по той же схеме. Потому что война, тесно связанная в один смысловой узел с образами ИСС, порождена отступившим от нормы человеком и ведется по таким же измененным законам времени: «И есть самолеты, вертолеты, ракеты, спутники и черт знает что еще. Только сумасшедший может вырыть окоп и оборонять его, думая, что так он выиграет войну» [2]. В любом случае, самый большой абсурд этой бойни Г. Садулаев прописал образностью ИСС: именно во сне Тамерлан видит, как небо, уподобившись его собственному отцу, отказавшему от дома сыну с оружием, сыплет страшным градом мертвых тел. Это изгнание из божественного пространства, будто оглушенного дистанционной войной, – свидетельство то ли ее бессмысленности, то ли повторной смерти Бога, так что даже некому оценить этот джихад. Но и смерть не всегда приходит в бою и не всегда к воинам. Чаще погибают мирные жители, которые в лучшем случае успели сменить гражданскую одежду на шинель [4].

Гомологичными реальности и потому наиболее частыми образами ИСС в романе выступают образы сна, кошмара. Видения, конфабуляции, алкогольное и наркотическое опьянение, акт творчества, галлюцинации, религиозный экстаз дополняют этот список форм приспособления к милитаризованной жизни. Интересно, с каким необычным противостоянием связаны и эти состояния сознания человека, и абсурд того, что Садулаев называет Третьей мировой войной, – с противостоянием силы и слабости: «Во второй чеченской “войне” было лишь несколько этапов, в самом начале, которые можно назвать боевыми действиями. Все остальное: диверсии и партизанские вылазки с одной стороны и карательные операции с другой» [2]. Баланс в противостоянии двух сил нарушается, потому что теперь один из его участников оказывается слабым. Страх и слабость, подчиненные изменениям в состоянии сознания героя, – это тоже не активная защита сильного, а пассивная бессильного. Умение приспособливаться дает шанс выжить в таких условиях (речь даже не идет о победе). Ведь не меньше, чем от обстрелов с воздуха, воины-партизаны страдают в лесу от собственной физиологической слабости – простуды, насморка и пр.: «Бывало, мы по несколько дней кряду

спали на земле, подстелив только хворост и куртки. Простываешь сразу. Федералы искали нас по синякам от приклада автомата на левом плече. Но можно было проще: полный нос соплей выдавал партизана с потрохами» [2].

Еще один случай столкновения слабого с сильным, партизанского неорганизованного движения страны с регулярной армией противника, связан с эпизодом в здании птицефабрики, в котором скрываются герои: «птичье войско» обстреливается с воздуха дьявольскими птицами (авиацией). Наше внимание к этому метафорическому зоологическому неравенству объясняется, с одной стороны, появлением чувства страха у героев и, следовательно, изменений в сознании, а с другой – тем, что в этой «птичьей стае» появляется образ двойника Тамерлана – Артура Дениева, Арчи. И далее это первое двойничество на уровне персонажей обнаруживает себя по всему роману. Так, новая картина мира без привычных правил жизни, зато с парадоксами смерти, умножается образом исторического завоевателя Тамерлана, умершего в старости от болезни, а не в бою. Усложняют образ повествователя образы Тимура, тезки героя, президента Аслана Масхадова, боевика Салмана Радуева, не говоря уже о мифологических образах Адама и Иуды. Все эти дубли героя-протагониста вписаны в произведение посредством образов ИСС: Тимур «видит» муки Радуева, рассказывает о кошмарах детства Масхадова, познает религиозный экстаз молитвы Артура, наблюдает картину смерти соседнего отряда вместе с Тимуром. Вереница персонажей будто показана нам в трюмо, где зеркало смотрится в зеркало. А в итоге все персонажи – одно типичное лицо мужчины на войне, его сознание на войне, в разрушенном доме-стране. Но такой полимерный образ война все-таки не становится фактом жизнеутверждения. Множественность у Садулаева контрпродуктивна, она сама себя отрицает и опровергает, а потому эти образы нужно не суммировать, а вычитать (о чем свидетельствует и сюжет: большинство героев гибнет). Они – разорванное экстремальной ситуацией сознание, множество субличностей в одной. Ими же выкладывается мозаика образа шизофрении, болезни душевной. Ей сопутствуют и другие образы-обманы, ложные реальности, взращиваемые сознанием героя: «Но я и есть эта память, и если она – ложная, то меня просто нет» [2]. Эта область наполнена знаками утраченного идеального прошлого – детства, рая, школы, любви, игры – с одной стороны, и образами кошмарных видений о муках героя и его двойников – с другой. Но галерея образов героев не единственное проявление широты карты сознания. Шизофрения – метафора для описания состояния человечества, утратившего всякое представление о цельности мира: «Как ранее, в 1998 г., в Кадарской зоне провозгласили “Особую исламскую территорию” в нескольких высокогорных аулах. Наверное, от недостатка кислорода в разреженной атмосфере шизофрения прогрессирует» [2]. Скорость историко-территориальных распадов, развалов и расщеплений в сознании их наблюдателя порождают в романе странный эффект: происходит стирание границ, казавшихся ранее безусловными (начиная от линии фронта и анахронизма-окопа и заканчивая стиранием границ между своими и чужими). Слова «враг», «союзник», «чеченец», «русский» уже не срабатывают как безусловные определители своего и чужого на этой войне, где целые государства лишились трезвого взгляда на мир: «Хас-Магомед с удовольствием выдохнул прямо в лицо офицеру. Амбре из многолетнего перегара, смешанного с запахом чеснока, заставило русского сморщиться. И поверить, что пьяница не врет.

– Ребята, это не ваххабит. Ваххабиты не пьют. Это наш, нормальный алкоголик» [2]. Спившийся старик и почти толстовские обездоленные слабоумные у Г. Садулаева – это одного порядка явления, которые он поселил в кафкианский мир, мир «телевизионной республики Ичкерия». Образно говоря, этот вариант новой баталистики есть не правильный строй под знаменем, скажем, понятно-рациональной Афины, а кровавое месиво из тел воинов и мирных жителей под саваном Ареса. Бессмысленная бойня, насилие на пике его возможностей не позволяют даже предположить, что в конце предвидится пальмовая ветвь для победителя. Триумф в этой борьбе без правил (сильного со слабым) выглядит слишком сомнительным достижением, самодискредитацией. Е.С. Сенявская [4], исследуя влияние феномена войны XX столетия на психологию человека, говорит о милитаризации общественного сознания и об истории формирования психологии комбатанта. Садулаевский человек является

рабом именно такого состояния, причем теперь уже не важно, кто этот человек – женщина, мужчина, ребенок. Военная уравниловка являет себя и в армейском строю, и в быту некогда мирного населения: «У стола лежала Лейла, в ее руке был мой пистолет, дуло “стечкина” она держала во рту, голова была прострелена, изо рта сочилась кровь» [2].

Чтобы изжить это, привитое войной, состояние сознания, Тамерлан собирается лечиться еще и переменой мест. География избавления от навязанного извне кодекса бусидо [5] происходит по аналогии с добровольной сменой имени. И даже надежды героя на будущее связаны у Тимура-Арчи с образом ИСС. Обещание написать доктору из Парижа, из новой жизни, показательно связано с надеждой на перемены в сознании: «И напишу вам, как только доберусь до Франции. Обязательно напишу. Я расскажу вам про свои новые сны. Иначе моя история закончится этой строчкой» [2]. То есть образ ИСС избран барометром личной уязвимости, измеряющим градус всевозможных перемен. Но обещанного письма нет, следовательно, и новые сны остаются неувиденными: избавиться от войны герою не под силу. Ведь самая большая переменная в его сознании – превращение бывшего студента юридического факультета в воина – уже произошла, и она необратима. Рассыпающийся мир, конечно, остановился и замер благодаря его усилиям, но эта стабильность – стабильность с трещинами, а не желанная былая целостность.

Так называемое состояние взведенного курка в обществе [4] отпечатывается на герое состоянием измененного сознания. И речь идет не об известном нам по «лейтенантской прозе» выявлении скрытых качеств личности посредством экстремальной ситуации, хотя отчасти и экзистенциальный осадок (это остаточное вещество реакции между пограничной ситуацией и личностью) сцепляет литературную баталистику в непрерывную традицию. Самоотрансценденция нового поколения «военной» прозы – явление специфическое, устроенное по законам нового же образа мира. У Г. Садулаева самоотрансценденция и есть центр мира, потому что именно образы ИСС творят баланс заново. Они, конечно, не организуют абсурд бойни в порядок, но зато дают возможность продлить себя во времени в будущее выжившим в ней воинам, спасают их от беспрестанного возвращения к травматическому опыту прошлого, своего и исторического. Одновременно в этих образах концентрируется и мифотворческая мысль автора. В исповеди слышен только голос героя, анализирующего самого себя. Такая рефлексивность «сеанса», с его многократными наплывами опыта человечества в сознание, как бы всеми созидательными силами культуры, мирового знания пытается облегчить последствия «Третьей мировой войны» для сознания его участника, которого также мыслят через миф – миф о свободолюбивом чеченском воине, созданном русской интеллигентской мыслью времен империи [5].

Таким образом, поднимая на поверхность все то, что за время войны было накоплено и утаено идеологией в ее жертвах и от ее наблюдателей, роман Г. Садулаева «Шалинский рейд» обращается к самому верному посреднику в передаче такого экзистенциального опыта – образам ИСС.

Литература

1. Липовецкий, М. Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов [Электронный ресурс] / М. Липовецкий. – М. : Новое литературное обозрение, 2008. – Режим доступа : <http://flibusta.is/b/362439/read>. – Дата доступа : 17.12.2015.
2. Садулаев, Г. Шалинский рейд [Электронный ресурс] / Г. Садулаев // Знамя. – 2010. – № 1. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/znamia/2010/1/sa2.html>. – Дата доступа : 19.12.2015.
3. Дремов, С.В. Измененные состояния сознания: психологическая и философская проблема в психиатрии / С.В. Дремов, И.Р. Семин. – Новосибирск : Издательство СО РАН, 2001. – 204 с.
4. Сеньявская, Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России / Е.С. Сеньявская. – М. : РОССПЭН, 1999. – 383 с.
5. Чеченец в России. Герман Садулаев [Видеозапись] / Финам. – Москва, 2012. – 6 июня. – Режим доступа : <https://www.youtube.com/watch?v=nwJ7Ku-ЕкоУ>. – Дата доступа : 14.12.2015.